

На правах рукописи

ШАРОВА Вероника Леонтьевна

ИДЕОЛОГИЯ РАДИКАЛЬНОГО НАЦИОНАЛИЗМА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Специальность: 23.00.02 – Политические институты и
процессы, политическая конфликтология,
политические технологии.

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

30 ЯНВ 2009

Москва 2009

Работа выполнена в секторе философии российской истории Института философии Российской академии наук

Научный руководитель: доктор философских наук Кара-Мурза Алексей Алексеевич

Официальные оппоненты: доктор философских наук, доцент
Малинова Ольга Юрьевна
кандидат политических наук Мюрберг
Ирина Игоревна

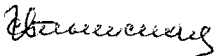
Ведущая организация: кафедра государственной политики факультета философии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Защита состоится: 19 февраля 2009 года в 15 часов на заседании диссертационного совета Д.002.015.05 по политическим наукам Института философии РАН по адресу: 119991, г. Москва, ул. Волхонка, д.14, стр. 5

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института философии РАН

Автореферат разослан: 19 января 2009 г.

Ученый секретарь

Диссертационного совета Д.002.015.05 Ильинская С.Г.

1. Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования.

В последние годы теория и практика крайнего, агрессивного национализма приобрели в России беспрецедентный размах. Количество фиксируемых случаев экстремистских действий, совершенных на почве этнической и этноконфессиональной ненависти вышло в постсоветский период жизни России на такой уровень, что говорить об отдельных маргинальных проявлениях уже не представляется возможным. Сегодня о радикальном национализме в российском обществе мы говорим уже не как об отдельных проявлениях социальной патологии, а как о явлении, хоть и маргинальном, но системном, регулярном, – в общем, обыкновенном, но не ставшим от этого менее взрывоопасным. С сожалением приходится констатировать, что мы имеем дело с новой социальной реальностью, с тенденцией, с которой невозможно не считаться. От того, насколько успешно удастся осмыслить и урегулировать проблему радикал-национализма, зависит безопасность общества и государства – без преувеличения, национальная безопасность.

В диссертации сделана попытка рассмотреть идеологию радикального национализма как вариант реализации социальной и политической мифологии на этапе смены общественной парадигмы. Россия является не только в юридическом смысле правопреемницей СССР – "государства, победившего фашизм", но и в более широком плане наследует обществу, где интернационализм был одним из базовых начал социальной мифологии. Советская идеология и основанная на ней практика государственного строительства в значительной степени политизировали этничность, тесно связав ее с административными образованиями. Примордиалистский подход к национальности при формировании границ субъектов в границах

РСФСР не в последнюю очередь сработал в пользу сепаратистских тенденций первой половины 1990-х гг. А кризис идентичности, испытываемый российским обществом на протяжении 15 лет вследствие распада СССР, породил у значительной части этого общества острую ностальгию по государственному могуществу и национальной консолидации на фоне явной нехватки идей, способных задать положительную мобилизационную динамику. На смену советско-имперской идентичности пришли русская этническая и российская гражданская идентичности. Поиск наиболее приемлемой формы осложняется тем, что старые ("имперские", по сути) формы ушли в прошлое, а новые до сих пор не найдены. Между тем этнические и национальные мифологемы способны объединить общество, сообщая своим носителям своеобразный сигнал «это – мы», дистанцируясь, соответственно, от тех, кто «не мы». Однако, продолжая логический ряд, несложно предположить: как только это сравнение перерастает в оценочное противопоставление, этничность приобретает патологические формы этноцентризма и ксенофобии как агрессивной формы неприятия "не нас". Формы претворения этих установок в жизнь на примере современной российской действительности проанализированы в данной работе.

Степень научной разработанности проблемы.

Национализм в его современном понимании принято считать достаточно "молодым" явлением, но, несмотря на это, дискурс о национализме на протяжении около двух столетий неизменно находится в фокусе пристального внимания мирового научного сообщества. Проблематика национальной идентичности и нацистроительства издавна была предметом теоретических исследований не только политологов и социологов, но и философов, культурологов, других мыслителей. Вспоминая классиков теории

национализма, следует назвать такие имена как лорд Актон,¹ Эрнест Ренан,² Отто Бауэр;³ с известной долей допущения можно утверждать, что идеи национализма отстаивает Фихте в своем «Замкнутом торговом государстве»; концепция «Volksgeist», «народного духа» принадлежит И. Гердеру; о «душе нации» и национальном характере размышлял Г. Лебон. Крупный вклад в развитие европейского дискурса о национализме внесли Гегель, Ницше. Список наших современников, внесших наиболее значительный вклад в исследования данной проблематики, очень обширен. Достаточно перечислить лишь нескольких: Г. Коэн,⁴ Э. Хобсбаум,⁵ К. Дойч, Б. Андерсон,⁶ Э. Геллнер,⁷ Р. Брубейкер,⁸ И. Берлин,⁹ Л. Снайдер,¹⁰ Э. Балибар,¹¹ Т. Нейрн,¹² М. Хрох,¹³ Д. Бройн,¹⁴ Э. Д. Смит¹⁵ и другие. В России академическая традиция в сфере исследований национализма еще моложе, однако,

¹ Лорд Актон, «Принцип национального самоопределения» // *Нации и национализм* – М.: Практикс, 2002.

² Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12-ти томах - Киев, 1902.

³ Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия » // *Нации и национализм* – М.: Практикс, 2002.

⁴ Kohn H. *Nationalism, its Meaning and History* - Princeton, 1955.

⁵ Hobsbawm E. *Nations and Nationalism since 1780. Program, Myth, Reality*. Cambridge, 1990.

⁶ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма – М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.

⁷ Геллнер Э. Пришествие национализма // *Нации и национализм*. – М.: Практикс, 2002.

⁸ Brubaker R. *Myths and Misconceptions in the Study of Nationalism* // John Hall (Ed.), *The State of the Nation*.

⁹ Берлин И. *Философия свободы. Европа* // *Новое литературное обозрение*, 2001.

¹⁰ Snyder J., Ballentine K. *Nationalism and the marketplace of ideas* // *International Security*, 1996, 21 (2)

¹¹ Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. – М.: Логос-Альтера, 2003.

¹² Нейрн Т. Интернационализм и второе пришествие // *Нации и национализм*. – М.: Практикс, 2002.

¹³ Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // *Нации и национализм*. – М.: Практикс, 2002.

¹⁴ Бройн Д. Подходы к исследованию национализма // *Нации и национализм*. – М.: Практикс, 2002.

¹⁵ Смит Э. Д. *Национализм и истории* // *Нации и национализм*. – М.: Практикс, 2002.

представлена значительными именами: о судьбах национализма в начале XX века размышляли Н. Бердяев,¹⁶ И. Ильин,¹⁷ Ф. Степун,¹⁸ В. Розанов,¹⁹ Н. Устрялов²⁰ и другие. Спорной, но небезынтесной для исследователя является теория этногенеза Л. Гумилева. Долгое время в отечественной научной традиции классическим считалось понимание нации в рамках концепции Ю. Бромлея. Сегодня проблематику национализма и этничности в России исследует ряд авторов – политологов, этнологов, социологов. Этнолог В. Тишков одним из первых порвал с советской примордиалистской традицией в области изучения «национальных отношений», заложив основы конструктивистского подхода к проблематике нации в российской науке, начиная со статьи «Забыть о нации». Политолог В. Малахов – автор книг и статей, посвященных проблемам миграции, этничности, мультикультурализма; в частности, учебного пособия "Национализм как политическая идеология",²¹ одной из самых подробных и хорошо систематизированных работ, выходявших в России последнее время. Об идентичности и перспективах России в терминах государства-империи и государства-нации, о путях нациестроительства в нашей стране размышляют политолог и философ А. Кара-Мурза,²² историк А. Миллер. Проблематикой ксенофобии, социального антагонизма последовательно занимается Центр исследования межнациональных отношений Института социологии РАН; вклад в разработки Центра вносят Л. Дробижева, В. Мукомель, Э. Паин и другие. Нельзя обойти вниманием работы историка и политолога В. Илюшенко. Исследованиям формирования и бытования этнических мифов

¹⁶ Бердяев Н. Судьба России - М.: ООО "Издательство АСТ", 2004.

¹⁷ Ильин И. О русском национализме – М.: Российский фонд культуры, 2006.

¹⁸ Степун Ф. Нация и национализм // Встречи (сборник статей) - М.: Аграф, 1998.

¹⁹ Розанов В. Сила национальности // Нация и империя – М.: Скимень, ПРЕНСА, 2004.

²⁰ Устрялов Н. К вопросу о сущности национализма // Нация и империя – М.: Скимень, ПРЕНСА, 2004.

²¹ Малахов В. Национализм как политическая идеология. – М.: КДУ, 2005.

²² Кара-Мурза А. Как возможна Россия? – М., 1999.

посвящен ряд работ этнолога В. Шнирельмана. Следует упомянуть и таких авторов, как О. Малинова, З. Сикевич, В. Коротцева, А. Осипов, С. Чешко, внесших весомый вклад в разработку современного российского дискурса о национализме.

Поскольку в данной работе мы пытаемся проследить, как радикальный национализм в общественном сознании являет себя через призму социальной и политической мифологии, в сфере внимания также исследователи собственно проблематики мифа, в том числе и такой его разновидности, как миф социальный. Среди них – такие мыслители как К.-Г. Юнг,²³ Э. Кассирер,²⁴ Р. Барт,²⁵ К. Хюбнер,²⁶ Х. Ортега-и-Гассет,²⁷ А. Лосев²⁸ и другие.

В то же время стоит отметить, что осмысление проблематики именно радикального национализма во многом отдано на откуп журналистам и публицистам, в лучшем случае является предметом статистического наблюдения социологов и правозащитников; серьезные теоретические исследования идеологии радикального национализма в его отечественном изводе пока еще сравнительно немногочисленны.

Цели и задачи исследования

Целью диссертационного исследования является систематизация и теоретическое осмысление проявлений радикального национализма в современной России. В этих целях в работе были поставлены следующие задачи:

²³ Юнг К.Г. Архетип и символ. - М.: Ренессанс, 1991.

²⁴ Кассирер Э. Опыт о человеке - М., Гардарики, 1998.

²⁵ Барт Р. Миф сегодня // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. - М., Издательская группа "Прогресс", "Универс", 1994.

²⁶ Хюбнер К. Истина мифа – М.: Республика, 1996.

²⁷ Ортега-и-Гассет Х. Идеи и верования // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры, М., 1991.

²⁸ Лосев А. Диалектика мифа. – М.: Мысль, 2001.

1) Проанализировать определения национализма, данные различными зарубежными и отечественными исследователями. Выявить качественные отличия радикального национализма от остальных «национализмов» и сопоставить теоретический план данного явления с его практическими проявлениями в условиях современной России. Нашей первостепенной задачей является разведение «широкого» националистического дискурса и сферы, касающейся именно радикального национализма как специфического явления российской общественно-политической действительности.

2) Рассмотреть проблематику социальной и политической мифологии как таковой, сосредоточившись в итоге на особенностях формирования и бытования национального мифа в общественном сознании; проследить, какие особенности социальной мифологии и какие объективные обстоятельства способствуют «радикализации» национального мифа, в частности, в российском постсоветском обществе.

3) Проанализировать явление радикального национализма на материале отечественной истории: особый интерес вызывает феномен черносотенного движения начала XX века. В работе сделана попытка провести аналогии между "оригинальным" черносотенством и его эпигонами в современной России. Помимо этого направления, дается обзор ключевых моментов другого тренда ксенофобии в современном российском обществе – антимигрантского направления в идеологии и практике соответствующих общественно-политических организаций и движений.

4) Исследовать, каким образом этнонационалистические стереотипы и мифологемы сознания преломляются на уровне повседневной практики, в том числе и политической. Проанализированы различные виды этнофобий, рассмотрена проблема "языка вражды" в СМИ, и также исследован ряд примеров того, как

националистическая мифология эксплуатируется политическими деятелями, как маргинальными, так и "респектабельными".

Методологические основы исследования

В данном исследовании использован метод сравнительного анализа при рассмотрении различных концепций и взглядов на проблему национализма. Использован также метод исторической аналогии при исследовании связи между националистическими движениями в России начала XX века и современными проявлениями идеологии этого типа. При анализе явления «язык вражды» использовался метод контент-анализа материалов прессы. В целом работа построена на базе междисциплинарного подхода к материалу.

Положения, выносимые на защиту

1) Национализм трудно поддается концептуализации; мы, скорее, можем вести речь о "национализмах", так как это явление во многом специфично для каждого государства и, шире, для каждой общности, являющейся носителем данной идеи. Многообразие современных подходов к исследованию этого явления можно с известной долей допущения свести к двум направлениям: примордиализму (он же – эссенциализм или субстанциализм) и конструктивизму (он же номинализм или инструментализм). Чтобы не путаться в «-измах», можно с известной долей упрощения пояснить, что в русле первого направления нация мыслится как нечто реально существующее, как совокупность *отношений* в качестве *вещей*.²⁹ Второй же подход подразумевает, что нация есть не вещь, но *символ*, а национализм, соответственно – «политическое использование символа нации через дискурс и политическую активность, а также как эмоции, которые

²⁹ Малахов В. Национализм как политическая идеология. – М.: КДУ, 2005.

заставляют людей реагировать на использование этого символа», как, например, формулирует Кэтрин Вердери.³⁰ Радикальный национализм, во многом носящий иррациональный характер, тяготеет к первому направлению, но не сводится к нему. В данной работе мы стремимся обосновать следующее утверждение: радикальный национализм не является просто некоей крайней степенью националистических настроений. Это явление, которому свойственны характерные идеологические черты и особенности проявления на практике, позволяющие приписывать ему определения «экстремистский», «ультра-» и так далее. Национализм становится радикальным, когда приобретает новую качественную характеристику, а не просто в количественном отношении «прирастает» радикализмом. Основная интенция радикального национализма состоит в непрерывных поисках ответа на вопрос не "что делать?", а "кто виноват?" и в непосредственных попытках "наказания" предполагаемого виновного в неудачах нации. Постоянное наличие в поле зрения того или иного врага/ врагов, – необходимая особенность радикального национализма, который обвиняет его/их в неудачах "своей" общности, то есть нации, мыслимой им как объективно существующее культурно гомогенное целое.

2) Ключевым ресурсом радикального национализма являются свойственные человеческому сознанию архетипы, мифологемы. Стержневым элементом ультранационалистической мифологии следует признать образ Врага. Расовая, национальная, социальная, конфессиональная принадлежность Врага, прочие его отличительные черты могут существенно варьироваться в зависимости от конкретной ситуации, особенностей восприятия носителей стереотипов. И все же существует ряд факторов, способствующих формированию данной мифологемы общественного сознания; мы выделяем их в данной

³⁰ Вердери К. Куда идут «нация» и «национализм»? // Нации и национализм – М.: Праксис, 2000 – стр. 298

работе. Мы исходим из того, что оппозиция "мы – они" является одной из самых древних; ее даже можно назвать архетипической. В "образы" включены автостереотипы, которые формируются на основании соотнесения с гетеростереотипами (представлениями "о других"), а также представления об объективных факторах окружающей действительности, очерчивающей сферу "мы": культуре, языке, территории проживания, историческом прошлом, государственности – существующих на групповом уровне сознания. Продолжая же логическую последовательность, сознание идентичности "мы" с необходимостью предполагает наличие некоторых "они", то есть других, "не своих", "чужих" или даже "враждебных" – таков, в общих чертах, механизм формирования ксенофобии в общественном сознании. Ксенофобия – сложное явление социопсихологии, далеко не всегда прогнозируемое, зачастую стихийное, способное интенсифицироваться и затухать, менять объекты, на которые она направлена; явление гибкое, но крайне сложно поддающееся искоренению в силу своей иррациональной природы. Радикальный национализм, в свою очередь, – это идеологизированная, схематизированная ксенофобия, оформленная в качестве политической теории и зачастую руководства к практическому действию.

3) Востребованность социальной мифологии повышается в кризисных обществах, на этапе транзита, так как в данной ситуации неизбежна не только смена институтов и схемы общественных отношений, но и ломка идентичностей. Фрустрированное общество стремится вновь осознать себя и обрести, таким образом, внутреннюю стабильность, но процесс поиска рациональных решений, как правило, является длительным и сложным. Социальная мифология, в свою очередь, предлагает готовые и простые решения; но здесь же кроется опасность повышения градуса агрессии по отношению к условному врагу. В силу же того, что ксенофобия является одним из древнейших и наиболее прочных социальных фобий, то именно она зачастую

становится формой проявления кризиса идентичности и способом канализации социальной напряженности. Если в первой половине 1990-х гг. казалось, что Россия, еще в бытность свою в составе СССР, получила эффективную «прививку» антифашизма и обладает достаточным иммунитетом против национал-радикализма, последующий период по сию пору показал, что это предположение, к сожалению, оказалось ошибочным.

4) Идеология радикального национализма в России возникла не в последние годы; во многом ее предшественником является черносотенное движение начала XX века, многие идеи которого позаимствованы сегодняшними радикальными националистами. Краеугольным камнем черносотенной идеологии являлся вопрос национальный. По мнению ряда исследователей, само появление черносотенства явилось следствием национальных противоречий в Российской империи, и призывы к защите русского народа от инородческой опасности вызвали отклик у широких слоев населения. На протяжении многих лет казалось, что идейный и политический потенциал черносотенцев исчерпан, но сегодня мы сталкиваемся с неким возрождением черносотенных идей в российском обществе. Конечно, учитывая объективные обстоятельства, смену уже двух эпох и массу прочих изменений, отличия налицо, и они весьма существенны. Так, черносотенные организации начала XX века, несмотря на свою раздробленность, имели в основе своей идеологии безоговорочную поддержку монархического самодержавного правления. Сегодняшние же черносотенцы, в отличие от своих предшественников, настроены резко оппозиционно, приписывая власти недостаточность усилий по защите русского народа от «инородцев». Крайне правые начала XX века исходили из представления о полной тождественности русских, украинцев и белорусов; сегодня этот "геополитический" проект невоспроизводим. Черносотенцы начала XX века исходили из того, что преобладающее большинство населения

России с уверенностью исповедует христианско-православные, монархически-самодержавные и народно-национальные убеждения. Однако ход истории показал, что такое представление было во многом иллюзорным, и нынешние последователи Черной Сотни не могут рассчитывать на массовую поддержку населения. Тем не менее, воспринимать черносотенство в его сегодняшнем воплощении лишь как некое недоразумение было бы недальновидно: идеи черносотенцев с их приверженностью жесткому порядку и авторитарной власти, с четко очерченным "образом врага" обладают серьезным деструктивным потенциалом.

5) Спектр объектов ксенофобии в современной России достаточно велик: ими являются как отдельные этнические и этноконфессиональные группы (евреи, цыгане, выходцы с Кавказа и Средней Азии, а также мусульмане в целом), но в регионах компактного проживания нерусского населения России (регионах "титულных наций") фиксируются случаи русофобии. Таким образом, мы не можем говорить о радикальном национализме в России, оперируя такими клише, как "русский фашизм" – спектр его агентов гораздо шире, нежели один этнос, пусть и самый крупный.

6) Радикальный национализм в России – явление маргинальное, но приходится констатировать: соответствующие настроения в обществе вольно или невольно стимулируются и "подогреваются" со стороны СМИ (в том числе и так называемых "респектабельных"), а также силами действующих политиков, эксплуатирующих националистическую риторику. В ситуации наличия "социального заказа" на межнациональную рознь даже на первый взгляд безобидные формулировки могут стать причиной обострения напряженности. В развитие этого тезиса мы подробным образом анализируем явление «языка вражды» в российских СМИ и информационных материалах избирательных кампаний.

7) В заключение мы делаем вывод, что межнациональная неприязнь в современном российском обществе не может быть ликвидирована отдельными и, по сути, паллиативными мерами, касающимися миграционной политики, запрета на торговлю для иностранцев, попыток запусков механизмов (далеко не всегда всесторонне осмысленных и проработанных) «мультикультурализма», «толерантности» и так далее. Это – системная проблема, и ее решения должны лежать, в том числе, в сфере образования, воспитания, формирования национальной идентичности по общегражданскому, а не этническому или конфессиональному критерию.

Научная новизна исследования

В советский период "национализм" фактически не рассматривался как предмет научного исследования, фигурируя в основном в политической риторике как оценочное понятие, как эпитет, причем используемый в негативном ключе. Сегодня отечественный дискурс о национализме в целом находится в русле мировой дискуссии об этом явлении; тем не менее, в силу того, что российские исследователи сравнительно недавно обратились к данной проблематике, корпус серьезных исследований о национализме, в том числе и его крайних проявлениях, не так уж обширен. Кроме того, произведена попытка рассмотреть радикальный национализм не только со "статистических" позиций констатации самого факта его существования, но и исследовать его в качестве одного из проявлений архаических, глубинных пластов общественного сознания – в качестве реализации устойчивых мифологем, установок и образов. Подобный междисциплинарный подход, затрагивающий помимо социологического и политологического аспекта сферы психологии, культурологии, истории, психолингвистики, представляется нам

наиболее уместным и эффективным при исследовании проблематики радикального национализма.

Научно-практическая ценность исследования

Научно-практическая значимость исследования состоит в систематизации разрозненных проявлений радикального национализма в российском обществе и их осмысления с целью минимизации этого опасного социопсихологического явления. Результаты, полученные в ходе работы, могут быть учтены при дальнейших исследованиях заявленной проблематики. Это особенно может быть актуально в период избирательных кампаний, так как согласно сделанным выводам, идеи радикального национализма могут быть использованы в качестве значительного электорального ресурса – а это, в свою очередь, не может не беспокоить как теоретиков, так и в целом людей с ответственной гражданской позицией.

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы и других источников информации, содержащего 136 позиций. Общий объем диссертации – 209 страниц.

2. Основное содержание диссертации

Во **Введении** диссертации обоснован выбор исследуемой проблематики, ее актуальность, формулируется цель и основные задачи работы, раскрывается степень научной проработанности заявленной темы. Основная часть **главы 1. «Миф о нации»** посвящена анализу социальной мифологии, закономерностей и механизмов становления и функционирования. В **параграфе 1.1. «Идеология и национализм как**

понятия: теория, история, терминология», анализируется тенденция к выделению в корпусе научной литературы двух основных направлений существования и развития национализма: его "западной гражданской" форме и "восточной этнической" (или, по выражению канадского политолога Бернарда Яка, национализм «идентификации» и «лояльности»³¹). Эта дихотомия, подробно разработанная, в частности, влиятельным немецким исследователем Гансом Коном,³² представляется нам слишком условной и не вполне достоверной. Автор согласен с мнением, что национализм – не единообразная теория или политическая практика, которая может быть механически спроецирована на то или иное конкретное государство или социокультурную общность, а во многом уникальная для каждого конкретного случая система теоретических взглядов и политических практик, обусловленных целым рядом объективных и субъективных факторов, далеко не всегда поддающихся прогнозированию. Но данной работе мы делаем попытку пойти дальше и обосновать следующее утверждение: радикальный национализм не является крайней степенью национализма, а формируется как особое явление политической действительности и, что важно, особое состояние общественного сознания. Общность черт радикального национализма задает такой фактор, как наличие как у каждого конкретного индивида, так и у социума в целом (в "коллективном бессознательном", пользуясь термином К.-Г. Юнга) ряда устойчивых символов, образов, стереотипов, которые можно подвести под общее определение "мифологемы".

В связи с этим в параграфе 1.2. «Механизмы мифотворчества и социальный миф» рассматриваются пути становления социального мифа и характер его воздействия на общественное сознание. Мы делаем акцент на том, что востребованность мифов повышается в

³¹ Як Б. Миф гражданской нации // Прогнозис, №2(6), лето 2006.

³² Kohn H. Nationalism, its Meaning and History - Princeton, 1955.

кризисной ситуации, когда возрастает потребность общества консолидироваться перед лицом реального или, чаще, мнимого врага в целях защиты и сохранения (или восполнения) собственной идентичности. Анализу феномена возникновения образа Врага посвящен параграф 1.3. «Образ Врага в ксенофобном сознании». Здесь мы отмечаем, что миф о Враге является одним из наиболее древних, уходящих корнями к самым истокам человеческой социальности, и даже к более раннему периоду, что дает нам основания говорить о ксенофобии как о механизме зоопсихологии. В качестве примера приведены цитаты авторов ультранационалистического толка, в своих заявлениях о необходимости соблюдения чистоты нации прибегающих к расологическим, биологизаторским аргументам.

Параграф 1.4 «Мифологизация истории как механизм радикальной националистической идеологии» посвящен еще одному необходимому элементу мифа о нации – мифологизации истории и ее интерпретации в этноцентристском русле. Опираясь на работы зарубежных и отечественных исследователей (в частности, К. Хюбнера³³ и В. Шнирельмана³⁴), мы делаем вывод, что интерпретированная не столько в строго исторических, сколько в общих социокультурных терминах «слава предков» в достаточно размытых очертаниях и унаследовавший от него все лучшие черты, но такой же туманный «Золотой век» впереди – вот пространство, в котором бытует этнонационалистический миф. Мифологизация истории – один из наиболее эксплуатируемых и эффективных механизмов националистической идеологии. Апеллируя к прошлому, миф фактически строит внеисторическую схему, представляющую народ вечной и неизменной целостностью. Стоит отметить при этом, что идеализируется, как правило, достаточно отдаленное прошлое; это

³³ Хюбнер К. Истина мифа – М.: Республика, 1996.

³⁴ Шнирельман В. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов - М.: Гендальф, 2000.

вполне закономерно, так как события относительно недавнего времени, как правило, освещены и более подробно, и более достоверно, а значит, являются «некачественным» материалом для мифотворчества.

Глава 2. «Этнофобии как источник и следствие пропаганды радикального национализма» посвящена истории и современному состоянию ксенофобных установок как центрального элемента радикал-националистической идеологии.

В параграфе 2.1 рассмотрены «Истоки и преемственность праворадикальной идеологии в России»: черносотенное движение в период между двумя русскими революциями (1905 и 1917 гг.), а также "новое черносотенство", начиная с 1980-х гг. и до наших дней. Сравнивая два этих феномена, мы делаем вывод, что современные русские националисты позаимствовали целый ряд программных положений у своих предшественников вековой давности и унаследовали их риторику. В работе исследованы программные положения ряда современных российских организаций, причисляющих себя к "наследникам" Черной Сотни. Следующие параграфы, посвященные различным формам этнофобии в российском обществе, иллюстрируют примеры, свидетельствующие о преемственности праворадикальной идеологии в России.

Параграф 2.2 посвящен самой древней и устойчивой разновидности ксенофобии – **антисемитизму**. Отмечая, что эта фобия присуща далеко не только россиянам (в частности, исследователи отмечают очередной всплеск антисемитизма в Европе в последние годы, не говоря уж об исламском мире), мы, тем не менее, констатируем, что в современной России антисемитизм не только жив, но и активно себя проявляет. В последние годы наиболее распространенным проявлением антисемитизма являются акты вандализма: нападения на еврейские кладбища, культурные центры и синагоги. В ряду преступлений, совершаемых на почве национальной ненависти, регулярно фиксируются нападения на лиц еврейского

происхождения (или тех, кто просто "попадает под подозрение" в том, что является евреем). Антисемитские лозунги (замаскированные под "антиолигархические") регулярно звучат на митингах членов национал-патриотических организаций. Тем не менее, опираясь на данные социологов, мы делаем вывод, что основной массе россиян антисемитизм не свойствен; во всяком случае, в последние годы число тех, кому присущ именно этот вид ксенофобии, несколько снизилось.

Параграф 2.3 посвящен **ромафобии** – неприязненному отношению к цыганам. Как и антисемитизм, ромафобия – давняя и не специфически российская разновидность ксенофобии. В то же время, в современной России антицыганские лозунги, под предлогом борьбы с наркомафией, являются распространенным и устойчивым элементом радикал-националистической риторики. Цыгане являются излюбленным объектом "языка вражды" в СМИ. Такое положение дел вызывает справедливое возмущение у граждан России с цыганской этнической самоидентификацией, но решение вопросов в судебном порядке представляется сложным: отечественная судебная практика предполагает иски в защиту чести и достоинства личности или деловой репутации организации, но в российском законодательстве не существует норм, позволяющих требовать возмещения морального вреда за стигматизацию и дискредитацию целого народа. Традиционная аполитичность цыган и их децентрализованность, работают против них и не дают возможности противостоять все ухудшающемуся общественному мнению. В работе мы отмечаем, что в связи с этим важны усилия активистов, деятелей науки и культуры, как цыганского происхождения, так и других этнических групп, ясно и четко озвучивающих свои аргументы против стереотипов, демонстрирующих позитивные стороны жизни этого древнего народа с оригинальной культурой.

Исламофобия и часто отождествляющаяся с ней **кавказофобия** являются предметом рассмотрения в **параграфе 2.4**. Исламофобия –

активное неприятие ислама — явление, на сегодняшний день характеризующее не только и не столько ситуацию в российском обществе; складывающаяся политическая ситуация в мире такова, что градус исламофобии растет в целом ряде государств мира, в Европе, США, в Израиле и т.д. События в постсоветской России спровоцировали резкое, лавинообразное нарастание страха и неприязни, в ряде случаев вплоть до ненависти, к исламу как религии и культуре и к тем, кого согласно самоидентификации или по неким внешним критериям можно отнести к мусульманам. С учетом объективных факторов исламофобия в России зачастую сливается с кавказофобией и, конкретнее, чеченофобией. В работе приведены примеры агрессивных действий и правонарушений, совершенных на почве кавказофобии, в качестве самого показательного случая рассмотрены события в карельском городе Кондопога. Кондопожские события отличаются тем, что во время них активно проявили себя организации праворадикального толка, доказав высокую мобилизующую способность националистических идеологов в условиях наличия социальной напряженности. Кондопога стала примером быстрого и масштабного перехода социального конфликта в межэтнический, и, как мы прогнозируем, в предвыборной борьбе этот механизм может использоваться различными политическими силами, как провластными, так и оппозиционными, в своих целях.

Параграф 2.5 посвящен такой разновидности ксенофобии в России, как **русофобия**. При том, что доля граждан, идентифицирующих себя как русских, составляет более 80% населения России, национализм этнических меньшинств по отношению к большинству в рамках федерального государства до определенной степени также имеет место. В нашей работе мы отмечаем, что Россия является асимметричной федерацией, унаследовав эту структуру географического и политического пространства от РСФСР. Марксистско-ленинское понимание нации, сформулированное

Сталиным в "каноническом" виде ("нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникающая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры") легло в основу диспропорционального национально-территориального федеративного устройства страны. Существование принципа «титульных» наций спровоцировало резкий всплеск сепаратистских настроений в российских регионах в начале 1990-х гг. и в ряде случаев стал основанием для регионального же национализма – направленного, в том числе, и против русского, «нетитульного» населения. Многочисленные этнические и территориальные конфликты на постсоветском пространстве (Нагорный Карабах, Абхазия, Приднестровье и др.), две войны в Чечне – вот последствия недальновидной национальной политики советского государства. В других субъектах Российской Федерации сепаратистские настроения не вылились в вооруженное противостояние; однако существенный подъем националистических настроений на фоне провозглашенного Центром лозунга "берите суверенитета столько, сколько можете проглотить", был отмечен практически во всех национальных республиках и не исчерпан до сих пор. В нашей работе мы отмечаем два уровня проявлений дискриминации или неприязни по отношению к русским со стороны нерусского населения России "элитный" и "низовой". В качестве примера первого типа ксенофобии можно привести проявления дискриминации при кадровых назначениях в национальных республиках в составе России. Практически везде в этих регионах верхний слой назначенцев составляют исключительно представители титульной нации. "Низовой" уровень ксенофобии по отношению к русскому населению, в той или иной степени интенсивный, фиксируется в ряде регионов Восточной Сибири и дальнего Востока, Кавказа, до некоторой степени в Поволжье. В продолжение нами рассмотрена интерпретация термина "русофобия" с

точки зрения радикальных националистов – как одна из наиболее востребованных мифологем радикал-националистической идеологии.

В параграфе 2.6 мы анализируем **мигрантофобию как форму ксенофобии**, не имеющей четкой привязки к этничности символического врага. При этом мигрантофобия сегодня – одна из самых развитых форм ксенофобии во многих государствах мира, и то же явление наблюдается в России. Именно эта разновидность ксенофобии имеет наибольший потенциал в качестве механизма спекуляции на общественных настроениях со стороны политических деятелей. Борьба с миграцией стала основным лозунгом наиболее политически активной части национал-радикалов, причем зачастую под этой борьбой подразумевается враждебное отношение ко всему условно «нерусскому». В связи с этим мигрантофобию мы рассматриваем не только как форму ксенофобии, но и как составляющую часть одной из специфических форм национализма, которую Роджерс Брубейкер называет защитным, протекционистским и национально-популистским.³⁵

В связи с демографическим спадом, вызванным социэкономическими трудностями 1990-х гг. и на фоне постепенного экономического роста, который наблюдается сегодня, потребность России в трудоспособном населении велика и, по прогнозам специалистов, в ближайшие годы будет возрастать. Образовавшуюся вилку между потребностями экономики и возможностями населения обеспечить заполняемость рабочих мест призвана ликвидировать, в том числе, и миграция. Но так как культурные особенности по части динамизма, гибкости и изменчивости существенно проигрывают современному свободному рынку, можно утверждать и то, что конфликты на межэтнической, межкультурной почве по-прежнему будут привычным элементом социальной реальности в мировом

³⁵ Rogers Brubaker. *Myths and Misconceptions in the Study of Nationalism* // John Hall (Ed.), *The State of the Nation. Ernest Gellner and the Theory of Nationalism*. Cambridge, UK, 1998.

масштабе. Ассимиляционный потенциал России проверен веками; в полиэтничности – основа специфической российской государственности и культуры. И то, насколько адекватно удастся задействовать его в нынешних условиях, будет определять успешность развития российской экономики и уровень социальной стабильности в ближайшие годы и десятилетия.

В главе 3. «Реализация ксенофобных установок в социальной и политической практике» автор анализирует особенности реализации ксенофобных установок в российском обществе в сфере СМИ и в политической практике. В параграфе 3.1. «Язык вражды» отмечается, что, если традиционный миф передается изустно от рассказчика реципиенту, от старшего поколения – младшему, то современный социальный и политический миф транслируется при помощи технических средств и не столько стихийно, сколько целенаправленно. Мифология в современном сознании существует не *per se*, благодаря некоей «генетической памяти» или «коллективному бессознательному», но формируется и прирастает благодаря внешним воздействиям, самым, пожалуй, мощным из которых является система средств массовой информации и коммуникации. Образ Врага, растиражированный в СМИ, обретает ряд черт, четко фиксирующихся в общественном сознании, складывающихся в цельную структуру, то есть – мифологизируется. В связи с этим мы анализируем такое явление, как "язык вражды", на примере современной российской прессы.

«Язык вражды» в чистом виде встречается в СМИ не так часто; как правило, неприкрытые призывы к межнациональной розни, изгнанию или искоренению "иностранцев" – все же удел маргинального сегмента рынка СМИ – ультра националистических газет, более напоминающих агитационные листовки. Тем не менее, приходится констатировать: "слова вражды" не обязательно явно звучат в содержании газетного материала, телевизионной или радиопередачи:

они могут угадываться в тональности, стиле заголовков, подборе фотографий и видеоряда, а также и в отсутствии редакционного комментария, и этому подвержены даже так называемые "респектабельные" СМИ. В работе мы приводим данные контент-анализа ряда газетных статей, содержащих примеры "языка вражды", а также анализируем статистические данные мониторинга "языка вражды" в российских СМИ. На сегодняшний день проявления «языка вражды» настолько многообразны, что проанализировать их в полном объеме невозможно, и все же основные тенденции позволяют сделать вывод: от того, насколько толерантно преподносятся средствами массовой информации этнически окрашенные материалы, во многом зависит формирование взглядов и настроений в обществе, и, следовательно, – градус напряженности или, напротив, взаимного миролюбия в обществе.

Параграф 3.2 посвящен проявлениям национал-радикальной идеологии в применении к *политической практике в России*. Мы отмечаем, что радикальный национализм – в том числе и его низовой слой, бытовая ксенофобия – нередко становятся эффективным ресурсом в политической борьбе. Эта тенденция бытует в российской политике с середины 1990-х гг., и на протяжении примерно десяти лет можно было фиксировать повышение ее "градуса", причем как в рамках предвыборных кампаний на уровне российских регионов, так и на федеральных выборах. В работе приведен ряд примеров эксплуатации шовинистических, ксенфобских идеологем в ходе предвыборных кампаний в регионах и в Москве, на выборах местного и федерального масштаба. По мнению специалистов, ксенофобия, на которой спекулируют подобные политические деятели, зачастую является следствием того, что применение санкций, предусмотренных действующим законодательством, на практике маловероятно, и избиркомы и органы прокуратуры не всегда фиксируют такого рода нарушения – не говоря уж о том, что не применяются действенные

меры. Более того, встречающиеся проявления ксенофобии не в каждом случае даже получают соответствующую оценку, осознаются как таковые.

Несмотря на то, что многие аналитики констатируют заметную демаргинализацию националистического дискурса в России в последние два-три года, все же можно с уверенностью говорить: нет оснований прогнозировать приход радикальных националистов не только к власти, но и вообще в "серьезную" политику – по крайней мере, в обозримом будущем. Тем не менее, сбрасывать со счетов негативно-мобилизационный потенциал национал-радикальной идеологии было бы недальновидно.

Продолжая тему, затронутую в главе 3, в **Заключении** автор констатирует, что отрицать очевидное невозможно: фактор социальной напряженности на почве межнациональных отношений – объективная реальность, и наивно было полагать, что он не будет задействован (и не задействуется уже сейчас) для извлечения "политических дивидендов" как в предвыборной борьбе, так и в повседневной практике. Подъем национального чувства может послужить на пользу государству, находящемуся в сложных условиях "демократического транзита" и связанного с ним распада прежней формы идентичности, казавшейся такой надежной и устойчивой. Но чувство это не должно противоречить самой природе российского государства – многонационального, многоконфессионального, федеративного по форме и разнопланового по внутреннему содержанию. За пределами желательной стадии "национального пробуждения" национализм становится чрезвычайно опасным. Нами подведены итоги, сделаны выводы и приведено свое видение того, какие меры могут быть приняты государством и обществом для того, чтобы свести к минимуму возможные опасные последствия реализации и развития идей радикального национализма в современной России. Радикальный национализм в современной России – проблема, связанная не только с

миграционной ситуацией, или неустроенностью и безработицей в среде молодежи, или огромным разрывом в благополучии различных регионов, или пробелами в сфере образования и воспитания. Это – системная проблема. Пока вирусом ксенофобии заражена меньшая часть населения; но недооценивать эту опасность в таком государстве, как Россия, недопустимо. Фактически, российское общество находится сегодня в "точке бифуркации", выбирая: пойти ли по пути формирования гражданской нации, осуществляя, по знаменитому выражению Эрнеста Ренана, "ежедневный плебисцит", а значит – руководствуясь здравым смыслом, соображениями целесообразности и демократическими ценностями. Или же в поисках идентичности мы обречены цепляться за удобные, но чреватые многими опасностями мифы – а, точнее сказать, антимифы – "крови и почвы" (Blut & Boden, что является классической установкой национал-социализма). Автор выражает надежду, что гражданам России в обозримом будущем удастся все же достичь той стадии развития общественного сознания, чтобы национальное в нашем обществе не превращалось бы с неизбежностью в националистическое.

Диссертант имеет следующие научные публикации:

1. Неоконсерватизм как идеологическая основа системы *Rax Americana* // *Космополис*, №1(7), 2004.
2. Трудовая миграция в России: неизбежность и проблемы // *Труд и социальные отношения*, №3(45), 2008.
3. Визуализация образа Врага // *Визуальный образ. (Междисциплинарные исследования)* - М.: ИФРАН, 2008.
4. Преемственность праворадикальной идеологии в России // *Политико-философский ежегодник* - М., ИФРАН, 2008.

Подписано в печать: 15.01.2009

Заказ № 1431 Тираж - 100 экз.

Печать трафаретная.

Типография «11-й ФОРМАТ»

ИНН 7726330900

115230, Москва, Варшавское ш., 36

(499) 788-78-56

www.autoreferat.ru